

§6 НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Дмитриева А. Г.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВЕКТОР ЭВОЛЮЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕАЛОВ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1970–1980-х гг.

Аннотация. Предметом исследования данной статьи является эволюция социально-политических идеалов в советской литературе 1970-1980-х гг. в рамках национального вектора, усилившегося в результате кризиса имперской идеологии, а также этатизации советской культуры. Национальное измерение социально-политических идеалов включает в себя как образ русского народа (на примере сельской общины, религиозной общности, национальной культуры, восприятия со стороны «значимых других»), так и легитимация российского государства в ее «белом» и «красном» исполнении. Методология исследования включает в себя анализ литературных источников, монографических изданий в области литературы и истории, российских и зарубежных научных журналов, а также статистических источников. Основными выводами данного исследования являются следующие: национальный вектор эволюции социально-политических идеалов имел двойную направленность, отражая как государственные, так и общественные потребности в национальном развитии; представители советской литературы внесли значимый вклад в создание «воображаемого сообщества», сконцентрированного на прошлом и настоящем русского народа. К факторам новизны проведенного исследования следует отнести комплексное изучение советских литературных произведений 1970–1980-х гг., выделение в нем национального вектора и его элементов.

Ключевые слова: национальная идеология, Наши современник, национальная элита, русский народ, Деревенская проза, советская литература, сельская община, православие, «белый» вариант легитимности, «красный» вариант легитимности.

Review. The subject of this research is the evolution of socio-political ideals in the Soviet literature during the period of 1970-1980 within the framework of the national vector, strengthened by the crisis of the imperial

ideology, and etatization of the Soviet culture. The national dimension of socio-political ideals includes in itself both, the image of Russian people (on the example of village community, religious community, national culture, and perception from the "significant others"), as well as the legitimatization of the Russian state in its "white" and "red" versions. The following conclusions are made in the course of this research: national vector of evolution of the socio-political ideals had a dual orientation, reflecting the state as well as public demand for national development; representatives of the Soviet literature made a significant contribution into the creation of the "imagined community", concentrated on the past and the present of the Russian people. The novelty factors of the conducted research include the comprehensive study of the Soviet literary works of the 1970's–1980's with highlights of the national vector and its elements.

Keywords: Orthodoxy, vilage community, Soviet literature, country prose, Russian people, national elite, Our contemporary, national ideology, «white» version of legitimacy, «red» version of legitimacy.

Консервативная часть политической элиты СССР стремилась в 80-е гг. XX века использовать национальную идеологию в целях контроля и ограничения насущного процесса реформ. В этой связи советская литература и печать, в частности, влиятельный журнал «Наш современник», играли важную роль в формировании проблематики и элементов национальной идеологии России в условиях советского строя. Национальная идеология различными авторами рассматривалась в двух измерениях: государственническом и общественном или гражданском. Имперская или интернационалистская природа СССР и этническое многообразие советских элит и советского общества ограничивали степень эффективности национальной идеологии в России как идеологического инструмента укрепления советской власти.

Генеральный секретарь Л. И. Брежнев сделал ставку на национальные, преимущественно русские по происхождению, партийно-государственные кадры в вопросе утверждения идеологии в СССР, в частности, в национальных республиках. В результате, к 1980-м гг. обком РСФСР был наиболее влиятельным обкомом в ЦК КПСС. Однако, российская национальная идеология была в целом негативно воспринята политической элитой СССР в связи с тем, что она могла угрожать позициям национальных элит в республиках, быть ненадежной основой для многонациональной советской элиты, смещала акценты с СССР как ведущей социалистической державы на РСФСР, способствовала утверждению ортодоксальных российских традиций на фоне общесоветской имперской идеологии.

Идейным лидером российского национально-го вектора эволюции советской идеологии стал А. П. Кириленко (член Политбюро ЦК КПСС), идейным выразителем интернационалистической марксистско-ленинской идеологии стал Ю. В. Андропов (Председатель КГБ СССР), М. А. Суслов (секретарь ЦК КПСС) занял центристскую позицию, отстаивая принцип «не раскачивать лодку».

К 1980-м гг. появились признаки того, что формирующаяся российская национальная идеология не была сведена только к роли инструмента для манипуляции элит и мобилизации небольших радикальных оппозиционных движений. Выражением расширения влияния национальной идеологии могут выступать следующие факторы:

1) значимая поддержка российских национальных идей и чувств среди этнически русского населения, особенно в интеллектуальной среде;

2) издание при поддержке ЦК ВЛКСМ государственного патриотического журнала «Молодая гвардия»;

3) так называемый «русский клуб» молодых российских националистов – литературных критиков, включая Петра Калиевского, Вадима Кожина, Станислава Куняева, Анатолия Ланшикова и Сергея Семанова, действовавший еще с 1960-х гг.;

4) общественная поддержка ВООПИК (Всероссийского общества охранения памятников истории и культуры), основанного решением Советом министров РСФСР в 1965 г., включающего более 7 млн. членов (многих формально) к 1980-м гг.;

5) самиздатский православно-патриотический журнал «Вече» 1971-1974 гг.;

6) устойчивость российской православной веры, которая несмотря на официальное гонение или осуждение, насчитывала к началу 1980-х гг. около 50 млн. последователей;

7) влияние и популярность представителей «деревенской прозы», преданных идеям художественного распознавания, описания и изучения российских национальных корней;

8) высокие партийно-государственные посты, занимаемые представителями этатистской российской национальной идеологии в 1970–1980-х гг.;

9) массовое распространение российской национальной идеологии в диссидентском движении с 1960-х гг.;

10) кризис веры в имперскую мифологию, проявившийся в возросшей эмиграции этнических русских из союзных республик в РСФСР. К 1975 г. движение этнических русских в союзные республики практически прекратилось, а с 1976 по 1980 гг. в РСФСР переехало 725 тысяч человек.

Исследователи разделились в своих оценках силы российской национальной идеологии в последние десятилетия Советского Союза. Одни называли «русофилией» доминантную идеологию российских интеллектуалов в 1970-х и начале 1980-х гг., другие предполагали существование «политических контактов» между советскими политическими лидерами и российскими националистами.

Как бы то ни было, идеологическая эволюция политической элиты СССР позволили российским националистам пройти путь от группы российской интеллектуальной элиты в начале брежневской эпохи до одной из наиболее влиятельных групп в конце брежневской эпохи [1].

В начале 1980-х гг. российский национализм уже обладал потенциалом, чтобы стать новым наполнением правящей идеологией государства, особенно в условиях экономического застоя конца брежневского периода. Формирование российских новых правых стало таким же важным событием как и образование партии большевиков в 1903 г., при этом они как представители идеологии современных контрреформ

получили все шансы пройти во власть. Российский национализм, усилившийся к началу 1980-х гг., можно было назвать выраженной политической тенденцией.

Литературное пространство, одно из немногих открытых для проведения заочных политических дискуссий, стало значимым выразителем эволюции социально-политических идеалов советского государства и общества.

Однако можно говорить о существовании тесной связи между политикой публикации произведений в различных журналах и политикой советского руководства (ужесточение политического курса приводило к ужесточению политики публикаций). Также можно говорить о ключевой роли главного редактора в этом процессе. Главные редакторы ведущих журналов были склонны осуществлять политику публикаций в рамках общих методических рекомендаций КПСС. Таким образом, редакторы журналов, понимая политический климат того или иного периода, могли играть ключевую роль как в цензурировании и подавлении, так и в поощрении и агрегировании инакомыслия среди авторов.

Так, журнал «Новый мир», когда главным редактором был Твардовский, стал своеобразным олицетворением эпохи Хрущева. Твардовский собрал вокруг журнала большую группу либерально настроенных авторов, разделявших многие из его взглядов, составлявших и защищавших мнение группы. В нем были опубликованы работы А. И. Солженицына, В. Я. Лакшина и др. Сам журнал ассоциировался с либеральными трансформациями советского общества, демократизацией политики в области культуры. Новый мир внес значимый вклад в плюрализацию советской политики, в процесс агрегирования, организации и выражения интересов и взглядов, отличных от властных групп и показанных средствами искусства [2].

Большинство советского руководства к 1980-м гг. рассматривало «Новый мир» как инструмент снятия напряженности в общественной и интеллигентской среде, тогда как любое подавление инакомыслия могло привести только к радикализации общественных настроений и тем самым усложнению контролю над обществом.

Журнал «Октябрь», в 1950–1960-е гг. под руководством Панфёрова и Кочетова отстаивавший консервативные идеалы и с осторожностью реагирующий на развенчание культа личности, в 1970–1980-е гг. становится более либеральным, в нем публикуются А. Сахаров, А. Авторханов, М. Восленский и др. В рамках политических представлений октябристов не находила поддержки приоритетность экономического превосходства над Западом (взамен идеологического и военного), для них было неприемлемо возвышение потребителя, а не труженика, как основного бенефициара государства. Октябристы выступали за более осторожное или даже замедленное движение по пути реформ с возможными отступлениями вспять, где это было необходимо. Критикуя реформаторов, они апеллировали к необходимости более централизованного политического и экономического управления государством, сталкивающегося с временными экономическими трудностями. Октябристы формулировали идеалы нравственной чистоты, а также преданности государству.

Помимо либерального и консервативного, следует говорить и о национальном направлении, нашедшем свое выражение в журнале «Наш современник», который был создан в 1956 г. как ежеквартальный альманах, ориентированный на деревенскую аудиторию. В 1950–1960-е гг. появление нового журнала отражало новый этап постсталинского развития советской литературы, а также попытку Хрущева опираться на сельское население страны во внутрипартийной политической борьбе. К середине 1960-х гг. «Наш современник» стал ежемесячным журналом, привлекающим внимание писателей-деревенщиков и читательскую аудиторию «деревенской прозы». После отставки Твардовского с поста главного редактора в 1970 г. журнал продолжал оставаться главным официально разрешенным изданием в СССР. Журнал «Наш современник» находился под определенным покровительством политического руководства и в 1970–1980-е гг. постепенно стал отстаивать идеи и ценности российского национального вектора в советской литературе.

В конце 1970-х – начале 1980-х гг. журнал стал позиционировать себя как ведущий толстый

литературный журнал страны. Семь из двадцати четырех наиболее популярных советских писателей, по наблюдению Клауса Менерта в 1983 г., были связаны с данным журналом. К таким авторам можно отнести – Астафьева, Белова, Распутина, Шукшина, Солоухина и др. (представители «деревенской прозы»).

Концентрация представителей «деревенской прозы» вокруг журнала «Наш современник» позволила западным критикам увидеть политическое значение деревенщиков, выступавших своеобразным выразителем национального самосознания российского населения СССР. Кроме того, высокий уровень деревенской прозы получил политическую поддержку, которая была непосредственно связана с национальным вектором развития советской идеологии, отражавшимся в текстах деревенщиков. Благодаря этой поддержке, в 1970-х гг. «Наш современник» стал «главным» российским национальным изданием.

«Наш современник» был также тесно связан с консервативным Союзом писателей РСФСР. В 1957 году журнал оказался под контролем оргкомитета Союза писателей РСФСР. Создание последнего было неудачной попыткой партийных реформаторов поддержать ортодоксальное направление в развитии советской идеологии и литературы.

Политическое давление на «Наш современник» как консервативную силу было особенно заметно в 1968 г. во время чехословацкого кризиса, когда Суслов, опираясь на Союз писателей РСФСР решил существенно обновить «Наш современник». Новым главным редактором стал Сергей Викулов, опиравшийся на сильную политическую поддержку, в результате чего «Наш современник» в декабре 1969 г. получил тираж в 130000 экземпляров, который впервые в его истории превысил тираж «Нового мира» (127250 экземпляров). Это событие показало, что режим покровительствует российскому национализму в период неопределенности во внешней политике. Эта модель была апробирована также в 1976 году после подписания Хельсинкского Заключительного акта и в 1980 году после вторжения в Афганистан. «Наш современник» сыграл важную роль в развитии по-

литических договоренностей между советским политическим руководством и российскими националистами.

Викулов стал одним из одиннадцати консервативных писателей, подписавших в 1969 г. открытое письмо в «Огонек» с критикой статьи в «Новом мире» Андрея Дементьева. Это письмо выявило существование консервативных, антизападных российских националистов, близких по своим взглядам партийным властям и выступавших против либеральных реформ. Письмо продемонстрировало существование прямого конфликта между идеями, опубликованными «Новым миром» под руководством Твардовского, изменениями, совершенными Синявским и Даниэлем, и общей позицией инакомыслия, принятой частью советского эстеблишмента. Причем данное письмо стало первым действенным шагом в постсталинской эпохе по формированию правой оппозиции советской идеологии, которая показала свой значительный политический потенциал.

Таким образом, в конце 1960-х гг. была заложена основа для сближения национальной и коммунистической идей, которая двадцать лет спустя оформилась в вектор эволюции политической системы [3].

Следует выделить ряд содержательных элементов, которые были реализованы в национальном векторе социально-политических идеалов в советской литературе в 1970–1980-е гг.

1. Образ русского народа.

Русский народ выступил одним из значимых образов для писателей «Нашего современника», в рамках которого он обладал преимущественно сельским, общинным и православным характером, а также через призму своего национального своеобразия был выражен в произведениях искусства – от литературы до архитектуры. Произведения данных авторов в целом противопоставляли русский дух коммунистической идеологии, исключением стал разве что Михаил Антонов.

1) образ русского народа нашел свое выражение в сельской общине. В центре внимания в Василия Белова, Михаила Алексева, Владимира Крупина и Ивана Васильева находилась не советская деревня в целом, но русская крестьянская община черноземных регионов РСФСР.

Так, Василий Белов подробно описывал сельские традиции и обычаи северо-западной России, где он вырос. В «Гармонии» он стремился донести идею о том, что крестьянский быт, отличающийся качеством целостности, глубиной человеческих отношений и близостью человеческого сообщества к природному миру, превосходит современную городскую цивилизацию. «Гармония» была проникнута неприязненным отношением к современным технологиям и современной жизни, а также чувством ностальгии по прошлому. Во многих случаях традиции, описанные Беловым, уже уходили с исторической сцены или уже находились на стадии исчезновения.

Иван Васильев, внесший большой вклад в «Наш современник», в рамках публицистики о сельской жизни писал, что гармония Белова показала важность русских традиций в формировании моральной основы жизни. Каждая деревня, по мнению Васильева, сыграла свою важную роль в тысячелетней российской культуре и истории России и русского народа.

Михаил Антонов, анализируя моральную сторону экономики деревни, видел в традиционных дореволюционных формах общественной организации (общине, артели) и в концепции соборности модель для улучшения современного общества.

М. Н. Алексеев в своей последней новелле «Драчуны» раскрыл тематику коллективизации крестьянства в Поволжье. Он рассказал о влиянии коллективизации на сельскую жизнь, происходивший там голод. При этом вся работа носила ностальгический характер с точки зрения изображения крестьянского мира, который более уже не существовал. Коллективизация была отмечена разрывом между идеализированным крестьянским прошлым и мирным, но менее чем удовлетворительным настоящим. Алексеев определил новые горизонты в своих описаниях ужасов голода 1933 г. Алексеев считал, что голод был вызван коллективизацией, так как хотя урожай 1932 г. и был не самым лучшим, он был в любом случае не самым плохим. Опубликованная в газете «Правда» в 1930 г. статья Сталина «Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения» дала начало процессу коллек-

тивизации и привела к вытеснению «кулаков» на обочину социальной жизни. Отрицательное мнение о коллективизации фигурировало также в работах Владимира Крупина, показавшего как коллективизация коснулась тех районов страны, в которых до этого даже не было крепостного права [4].

Для Ивана Васильева, русский народ состоял главным образом из крестьян, руководителей хозяйств, специалистов сельского хозяйства и учителей школы. Васильев прямо критиковал политику партии при Брежнев за предоставление недостаточного количества ресурсов для развития нечерноземных регионов и частичного решения послевоенных проблем региона. Васильев обратил внимание на плохую организацию сельских учреждений, подверг критике путаницу межведомственного взаимодействия и другие проблемы государственного управления 1970–1980-х гг. Крестьянин, не обладающий правами собственника, не ощущал себя «хозяином» на своей земле, поэтому Васильев предлагал наиболее подходящей формой организации сельскохозяйственной общины – семью, действующую по принципу рабочей артели, где отец и сын работают вместе.

Васильев настаивал, что рабочие должны чувствовать выгоду и цель своей работы. Он подвергал критике крупные хозяйства, где у рабочих не хватало чувства ответственности, где они жили в жилых домах городского типа, пили и подрабатывали на стороне. По его мнению, отказ государства от политики строительства небольших семейных домов и предпочтение квартир городского типа способствовали моральному упадку народа, лишая его чувства «хозяина». Более того, это даже отчасти задевало русские сельские традиции совместного строительства домов для молодых семей.

2) религиозное сообщество стало одним воплощений образа русского народа. Писатели «Нашего современника» рассматривали русский народ как в действительности православное сообщество, несмотря на годы атеистического коммунистического правления.

Владимир Солоухин был самым откровенным и прямолинейным в высказывании данной точки зрения. Так, в своих работах он непосред-

ственно утверждал идею существования Бога. В XX веке, по его словам, любой здравомыслящий человек не мог сомневаться в том, что в мире, во Вселенной, богатой разнообразием жизни, существует высший принцип интеллекта или высшее разумное начало; вопрос даже состоит не в том, существует ли более высокий уровень интеллекта или нет, а в том, знает ли он о человеке и желает ли он что-нибудь сделать с ним. Также Солоухин писал о том, что если мы рассмотрим любой из механизмов природы, мы не можем не прийти к одному очень простому выводу: он был продуман заранее.

В продолжении времени Солоухин подчеркивал, опираясь на работы религиозного живописца деревенской церкви – Павла Корина, значение христианства для развития русской культуры. Он отмечал, что Церковь являлась единственным институтом в деревне, который воплощал преемственность времени, вся духовно-нравственная культура народа воплощалась в обычаях рабочих дней и праздников, в песнях, сказаниях и в архитектуре храмов и церквей.

Более социологический подход был принят Василием Беловым в «Гармонии». Белов подчеркивал роль религии в ежегодных обрядах и обычаях, связанных с рождением, крещением, браком, трудом и смертью. Иван Васильев описывал свои наблюдения, по которым уровень идеологической и культурной работы государственных и партийных организаций в деревнях был настолько низким, что Церковь могла считаться более успешной в сфере удовлетворения духовных потребностей людей. Сергей Семанов подвергал критике свергнутого афганского лидера Амина за его враждебность к исламу, господствующей религии в этой стране, косвенно в действительности критикуя большевистскую политику по отношению к русскому православию. Таким образом, он подчеркивал необходимость примирения между партией и Церковью [5].

3) национальная культура как воплощение образа русского народа. Для многих писателей идентичность народа воплощалась в культуре. Тематика литературных работ Солоухина подчеркивала идею того, что архитектурные памятники Москвы, многие из которых были

уничтожены в годы советской власти, символизировали русскую национальную идентичность. Солоухин утверждал, что инновации в постановке классических произведений оперы и балета ставят под угрозу культурную самобытность России. Более того, Солоухин называл вторую половину XIX века ярким и мощным взрывом русского национального самосознания и возрождения национальной культуры. Однако, Сергей Семанов в своем обзоре романа Марка Еленина, изображавшего влияние гражданской войны на Крым, защищал предреволюционную интеллигенцию и славянофильство как основы русской национальной культуры.

Писатели «Нашего современника» подчеркивали особое значение работ Достоевского как выражения русского национального духа. Критик Владимир Шубкин провел параллель между глубокой нравственной традицией русской литературы, которая воплотила национальное сознание народа, и «мифическим горящим кустом, который горит вымышленным теплом и не находит своего потребителя. Это означало, что несмотря на трагедии советской эпохи русская нравственная традиция сохранилась. Он утверждал, что работы Достоевского стали в свое время высшим выражением этой традиции, и что ее современными выразителями оказались писатели «деревенской прозы» – Василий Белов, Сергей Зальгин, Федор Абрамов, Валентин Распутин и Виктор Астафьев. Достоевский выразил отличительные особенности русского народа – идею универсальности и всечеловечности в 1880 г. во время выступления на церемонии открытия московского памятника Пушкину.

Главный редактор Сергей Викулов, в свою очередь, выступал за почетное место в русской национальной литературной традиции для поэтов Вологды – Николая Рубцова (1936–1971), лирические и патриотические произведения которого заслужили похвал Кожина, но в основном избегались официальным литературным истеблишментом. Рубцов и Викулов писали, что поэт должен уметь слушать не только свою собственную душу, но и душу народа.

4) образ русского народа в глаза «значимых других». Писатели «Нашего современника» дали «отрицательное» определение народа – по

отношению к «значимым другим» – вследствие существования восприятия русского народа со стороны «других народов» (чувашей, татар, калмыков и др.), с которыми русский народ порой контрастировал, в том числе, в самом СССР.

Семанов утверждал, что Марк Еленин в «Семи смертных грехах» осветил важную и порой ключевую роль евреев в период гражданской войны. Михаил Антонов противопоставил высокую нравственность русского народа тому, что он считалось жестокостью и коррупцией татар. В северном российском колхозе Владимир Крупин нашел артель, состоящую из энергичных и подозрительно нерусских людей, сопровождаемых неким Ибрагимом, все из которых путешествовали с юга в поисках работы. Крупин также взял на себя смелость предположить, что в крупных московских конторах, также найдется немало трудовых мигрантов, состоящих из представителей других народов.

Кожин разработал наиболее комплексный взгляд на «других». В своей статье о Куликовской битве он утверждал, что среди тех сил, которые выступили против Дмитрия Донского, было не так много монголов как русских, при этом он критиковал односторонний образ агрессивной и космополитической армады монголов, действующей под командованием Мамаю в интересах работоторговцев – «международных спекулянтов» – базирующихся в Генуе и его Крымской колонии Феодосии. Кожин также утверждал, что Ветхий Завет национально ограничен, выражая мнение «одного народа» о том, что он избран Богом. В этой связи Кожин писал, что западная цивилизация с ее агрессивным и эксплуататорским отношением к остальному миру была основана на Ветхом Завете [6].

Антонов, Солоухин и Шундик проводили различие между Россией и Западом. Антонов, анализируя моральные основы экономики, описывал Запад как проникшийся духом денег и индивидуализма, а также морально и духовно обанкротившимся. Антонов также утверждал, что Россия не должна идти по пути Японии, приняв западную модель развития, так как стоимость успеха была бы слишком высокой. Солоухин так-

же утверждал, что русская культура была бы под угрозой в связи с импортом западной массовой культуры.

Шундик в своем романе «Древний знак», заочно проводя сравнение России и Запада, даже противопоставлял неопределенные северные скандинавские острова, наполненные простотой и красотой жизни, и коррупцию современного западного общества.

2. Легитимация государства.

Писатели «Нашего современника», говоря о государстве, ставили вопрос об идеологии марксизма-ленинизма, легитимирующей советский режим. Можно выделить два подхода, которые обозначились в процессе поиска замены марксизм-ленинизму. Один из них, который может быть обозначен как «белый», игнорировал марксизм-ленинизм в целом и предлагал вариант «русской идеи», основанной на взглядах Достоевского. Второй, который может быть обозначен как «красный», стремился объединить марксизм-ленинизм с определенной версией «русской идеи». Оба подхода обратили свое внимание на происхождение народного национализма как оппозиции марксизму-ленинизму.

1) «белый» вариант легитимизации русского государства был предложен Вадимом Кожинным, Анатолием Ланщиковым и Владимиром Шубкиным. Владимир Шубкин утверждал, что марксизм-ленинизм должен быть отвергнут в пользу русского национализма, воплощенного в русской литературной традиции. Анатолий Ланщиков, защищая Достоевского от распространяемых в СССР обвинений в реакционных взглядах, утверждал, что Достоевский не отвергал социалистические идеалы Чернышевского, но критиковал только экономические средства, с помощью они могли быть воплощены в жизнь. Это утверждение «духа» над экономическими факторами бросало вызов аксиомам советского марксизма.

Вадим Кожиннов нанес самый сильный и явный удар по марксистско-ленинской легитимности государства. Критик утверждал, что русские из-за их качества «универсальности» и «всечеловечности», которые Достоевский описывал как отличительные признаки русского национального сознания, смогли относиться к другим

национальностям и их представителям как к действительно равным. Следствием этого было то, что такие качества оправдывали политическую гегемонию русских над другими этническими группами. Центральным тезисом Кожиннова было то, что он называл «многонациональное русское государство», континентальное по своему масштабу и характеру, которое может быть узаконено на основании характера русского народа. Русское государство поэтому не нуждалось в коммунистической риторике, оправдывающей его интернациональный характер [7].

2) «красный» вариант легитимации русского государства. Альтернативный «красный» подход был сформулирован Аполлоном Кузьминым и Михаилом Антоновым. Историк Кузьмин утверждал, что русский патриотизм и советский социализм были совместимы. Он отвергал позицию официальной коммунистической идеологии о том, что социальный класс, а не нация, был основной исторической единицей социальной организации. Однако, класс (советский социализм) и нация (русский патриотизм) стали идентичны на современном этапе отечественной истории. Таким образом, не было принципиальной разницы между антикоммунизмом и антисоветизмом, которые являлись одним и тем же выражением антироссийских настроений или «русофобии».

Писатели «интернационалисты» (такие как Валентин Оскоцкий), по мнению Кузьмина отражавшие в своих работах русофобские идеи, могли быть обвинены также в антикоммунизме и антисоветизме.

Антонов разработал оригинальную историческую концепцию, согласно которой большевистская революция 1917 года не ознаменовала собой начало принципиально нового этапа развития России, граждане которой в большинстве своем не разделяли коммунистические идеи, а революция стала важным этапом в непрерывном развитии российского государства и общества. Аналогичное мнение можно увидеть в осуждении Сергея Семанова «Семи смертных грехов» Еленина при изображении лидеров Белого движения в годы Гражданской войны в самых гнусных и темных цветах. Журнал также опубликовал обзор хвалебной биографии Брусилова, одного из ведущих воен-

ных деятелей, который примирился с режимом большевиков.

«Красный» государственнический реформизм Михаила Антонова в терминах экономической морали подверг резкой критике бюрократическое недомогание советской экономической системы, которая работала в пользу ведомственных интересов, а не общих интересов советской экономики. В результате падения экономической морали снизился общий уровень морали: менталитет эгоистичного потребителя начал распространяться наравне с преступностью и алкоголизмом.

Антонов пытался синтезировать националистические идеи и коммунистическую идеологию. Отторжение Россией капитализма, по его мнению, было продиктовано высшими идеалами самобытной русской духовности, которая придавала материальному богатству относительно низкую роль в своей иерархии ценностей. Антонов оценивал введение хозрасчета в качестве эффективного механизма для улучшения экономики, но в большей степени верил в возрождение дореволюционных форм социальной организации. Таким образом, моральные проблемы российского общества происходили из-за ухода от традиционной крестьянской жизни как «идеального союза» труда и жизни [8].

Таким образом, легитимация государства как элемента национального вектора в советской литературе в 1970–1980-е гг. строилась на основе «белого» и «красного» вариантов. Оба варианта переплетались в «Нашем современнике», его негативном определении русского государства, сформированного по отношению к «значимым другим». Другие государства, с которыми русское государство исторически контрастировало или даже конфликтовало, были сведены не только к коллективному Западу, но и более конкретно – к Соединенным Штатам. Кожин писал, что для западной цивилизации Византия, государства ацтеков, Индия, Китай и конечно же Россия были только объектами для применения силы и не имели всемирно-исторической роли. Николай Шундик открыто заявлял свое негативное отношение к ядерной войне, критикуя США за их ядерный потенциал и агрессивную военную позицию, что также

укладывалось в негативное определение русского государства.

«Наш современник», публикуя работы различных авторов, выполнял определенную политическую и отчасти даже историческую миссию. Его авторы выдвигали различные варианты решения значимых проблем развития нации и государства, отстаивая национальный вектор эволюции социально-политических идеалов в советской литературе в 1970–1980-е гг. Их работы имели двойную направленность, соответствуя как общественным, так и государственным национальным тенденциям. Работы многих авторов «Нашего современника» были связаны с ностальгическим видением «золотого века» в истории России, характеризующегося национальными и сельскими традициями, имевшими жизненно важное значение для национально ориентированного мировоззрения [9].

Известные авторы журнала, апеллируя к национальным чувствам читателя, создавали тем самым своеобразное «воображаемое общество», которое было весьма избирательно в конструировании портрета советской жизни, концентрируясь почти исключительно на прошлом и настоящем этнических русских, исторически проживавших в сельских районах европейской части страны, а также подчеркивая особую и высокую роль православия. Произведения национально ориентированных авторов «общественников» (Белов, Алексеев, Крупин) демонстрировали положительное определение нации без ссылки на «других» или внешних врагов. Работы национально ориентированных авторов «государственников» (Антонов, Кожин и Семанов), которых было большинство, стремились узаконить имперский характер советского государства с точки зрения национальных особенностей и истории этнических русских. Их работы отражают двойственную установку по отношению к коммунистической идеологии. Некоторые авторы («белые», такие как Кожин, Шубкин), казалось, полностью отвергали коммунизм; другие («красные», такие как Антонов, Кузьмин) стремились приспособить его к национальной русской истории и традициям.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Перегудов С. П. Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства // *Полис*. 2011. № 3. – С. 141–163.
2. Золина Е. Десталинизация в зеркале западной политики. // *Международная жизнь*. 1993. № 3. – С. 124–135.
3. Кара-Мурза С. Г. Идеология и мать ее наука. М., 2002. – 256 с.
4. Есиков С. А. Российская деревня в годы НЭПА. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). – М.: Роспозн, 2010. – 248 с.
5. Покровский Н. Н. Власть, общество и человек в исторических и литературных источниках XVI–XX вв. – М.: Издательство Сибирского отделения АН СССР, 2012. – 264 с.
6. Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира. – М.: АСТ, 2010. – 768 с.
7. Хьюлетт Дж. Христианство и коммунизм. – М.: Неопалимая Купина, 2013. – 140 с.
8. Верховский А. М. Русский национализм: идеология и настроение. – М.: Информационно-аналитический центр «Сова», 2006. – 304 с.
9. Семенова Г. П. Наш современник – герой литературы. – М.: Знание, 1984. – 32 с.
10. Щупленков О. В. Нравственные императивы русской истории // *Философская мысль*. – 2013. – 7. – С. 241–286. DOI: 10.7256/2409-8728.2013.7.421. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_421.html.
11. Дриккер А. С. Историческая перспектива и проблема национальной самоидентификации // *Философия и культура*. – 2014. – 4. – С. 553–562. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.4.10595.

REFERENCES

1. Peregudov S. P. Natsional'no-gosudarstvennaya identichnost' i problemy konsolidatsii rossiiskogo gosudarstva // *Polis*. 2011. № 3. – S. 141–163.
2. Zolina E. Destalinizatsiya v zerkale zapadnoi politiki. // *Mezhdunarodnaya zhizn'*. 1993. №3. – S. 124–135.
3. Kara-Murza S. G. Ideologiya i mat' ee nauka. M., 2002. – 256 s.
4. Esikov S. A. Rossiiskaya derevnya v gody NEPA. K voprosu ob al'ternativakh stalinskoj kollektivizatsii (po materialam Tsentral'nogo Chernozem'ya). – M.: Rospoen, 2010. – 248 s.
5. Pokrovskii N. N. Vlast', obshchestvo i chelovek v istoricheskikh i literaturnykh istochnikakh XVI–XX vv. – M.: Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya AN SSSR, 2012. – 264 s.
6. Osborn R. Tsivilizatsiya. Novaya istoriya Zapadnogo mira. – M.: AST, 2010. – 768 s.
7. Kh'yulett Dzh. Khristianstvo i kommunizm. – M.: Neopalimaya Kupina, 2013. – 140 s.
8. Verkhovskii A. M. Russkii natsionalizm: ideologiya i nastroyenie. – M.: Informatsionno-analiticheskii tsentr «Sova», 2006. – 304 s.
9. Semenova G. P. Nash sovremennik – geroi literatury. – M.: Znanie, 1984. – 32 s.
10. Shchuplenkov O.V. Nravstvennye imperativy russkoi istorii // *Filosofskaya mysl'*. – 2013. – 7. – С. 241–286. DOI: 10.7256/2409-8728.2013.7.421. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_421.html.
11. Drikker A. S. Istoricheskaya perspektiva i problema natsional'noi samoidentifikatsii // *Filosofiya i kul'tura*. – 2014. – 4. – С. 553–562. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.4.10595.